

НЯНЬКА

Моя бабушка по отцовской линии родилась в деревне Иванаевка после Петрова дня (12 июля по новому стилю). Точную дату своего появления на свет она не знала. Наверное, не помнили и родители её — Иван и Александра Константиновы, у которых, по словам бабушки, было шестнадцать детей. Выжило пятеро: Варвара, Михаил, Любовь, Ульяна и Акулина. Акуля была среди них самой младшей. Родилась она в тяжёлое для семьи время: жарким летом 1893 года в деревне был сильный пожар, сгорел дотла и дом Ивана со всем скарбом. Бабушка моя родилась в 1895 году. К этому времени домишко уже срубили на прежнем месте, но обжить, как следует, ещё не успели.

В страдное время (в июле и августе) весь деревенский люд от мала до велика трудился в поле — шла изнуряющая и выматывающая силы косьба и жатва хлебов.

Очень выразительно описал это время русский поэт Константин Ключевский:

*Полдневный час. Жара гнетёт дыханье;
Глядишь, прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землёю воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.*

.....
*А в поле труд... Обычной чередою
Идёт косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,-
Другого слова нет его назвать...*

Вся семья Константиновых, кроме десятилетнего Миши и грудной Акули, трудилась в поле. Мишу оставляли дома в роли няньки. Мать Александра, сготовив накануне еду, строго наказывала сынишке следить за девочкой: регулярно пеленать и кормить её из тряпичной соски — жвачки, в которой была пшённая каша на молоке.

Родительский наказ был твёрдым, но жизнь деревенская шла своим ходом. Оставшиеся дома ребяташки частенько собирались на завалинке Мишиной избы, где он нянчился в томлении и без явной охоты. Под окном всюду шла бойкая игра в подкидного дурачка. Мише тоже страсть как хотелось играть, но надо и малышку качать. Тогда он придумал вот что: прикрепив один конец верёвки к зыбке, другой протягивал через окно. Устроившись на завалинке, Миша привязывал верёвку к ноге и качал ею люльку. Сам же с азартом включался в игру. Окно было раскрыто. Время от времени до ребят доносилось попискивание малютки. В такие моменты Миша старался

чаще качать ногой. Ребёнок постепенно успокаивался и, видимо, на время засыпал. Однако тишина была недолгой. В избе снова и снова раздавался плач. Миша, не отрываясь от игры, ещё сильнее дёргал верёвку. Акуля плакала, уже не переставая, всё громче и громче. Ребята советовали Мише успокоить сестрёнку. Да и сам он понимал, что нужно её проведать.

Вот заскочил Миша в избу и видит: ребёнок, высвободившись из пелёнок, вывалился из люльки и заходится рёвом на полу. Миша подхватил сестрёнку на руки, успокоил, запеленал и накормил из соски. Малютка задремала, а «нянька» уже опять сидел на запинке.

Такое случалось не раз — братец, нежно говоря, не очень любезно и трогательно водился с сестрёнкой. Родителям же он докладывал, что старается изо всех сил, подопечная, мол, им довольна и няньку любит.

Но однажды мама заметила на лбу Акули синяк приличного размера. Она попросила сына объяснить, откуда он взялся. Пай-мальчик сказал, что не знает, но предполагает, что Акульку укусила шальная муха или даже ненасытный слепень. Однако провести маму было не так-то легко. Она догадывалась, что ребёнок падал из зыбки.

Но жатву остановить невозможно, каждый работник — на вес золота. Мама опять уходила в поле, а Миша оставался нянчиться.

Акуля не погибла и не стала калекой, выросла здоровой, выносливой и очень терпеливой.

И всё же иногда она признавалась нам, своим внукам, что братец Миша, которого она горячо любила, «наполовину убил её в детстве»: из-за сильного головокружения бабушка не могла подолгу ехать ни в машине, ни на тракторе, ни в санях. Она отчаянно просила остановиться, сходила и готова была идти пешком хоть сотню километров. Единственное, что она признавала, а может быть, даже обожала, был велосипед — я сажал её на раму и катал по просёлочной дороге. Так она, обдуваемая приятным ветерком, могла кататься долго.

ОТРОЧЕСТВО

Когда ребятам исполнялось по девять-десять лет, родители в страдную пору брали их с собой в поле. «Пусть хоть пять снопов нажнут за день — и те пойдут в общую копилку», — говорили они. Но главное, конечно, заключалось в том, чтобы приобщать молодёжь к труду на земле, без которого в деревне не прожить.

В праздничные и воскресные дни не работали — ходили молиться в церковь в соседнее село Юсупкино. (Храм до сих пор стоит там, полуразрушенный.) При церкви работала школа, которая называлась церковно-приходской. Акулину учёба не увлекала, и она долго не проучилась. Старшие сёстры одна за другой вышли замуж. Создал семью и брат. У всех стали появляться детишки, а им требовалась хорошая нянька. Моя бабушка очень любила маленьких. Два года Акуля водилась с ребяташками старшей сестры Варвары, которая жила в соседнем селе Гулькино.

К сожалению, дети часто болели и выживали не все. Бабушка рассказывала нам, как долго она переживала, плакала и горевала, когда умер четырёхлетний Гараня — так сильно она успела привязаться к племяннику.

В доме отца с матерью долгими зимними вечерами много пряли. Быстро научилась этому рукоделию и Акуля. Брат готовил для прях «светец» — это такое корытце из дерева с водой и стойкой, на которой крепилась лучина. Её поджигали, и она светила рукодельницам. При догорании остаток падал в воду и там гас. До его падения

нужно было поджечь другую лучину и успеть вставить её в светец. Брат с этим делом успешно справлялся и норовил ещё сам рукодельничать — плести лапти из лыка.

За работой дружно пели. Моя бабушка утверждала, что у всех были хорошие голоса. Втроём — она, брат и сноха Прасковья — пели народные песни: «Ой, мороз-мороз», «У церкви стояли кареты», «Цыганка гадала, за ручку брала...» и многие другие. Это скрашивало вечера, окрыляло душу и поднимало настроение.

НЕВЕСТА

Едва Акуле исполнилось пятнадцать лет, женихи стали засылать сватов. Две зимы сватался к ней парень Филипп, живший через улицу. Полной самостоятельности в ту пору у подростков детей не было — родители были вольны выдать дочь за жениха, который им самим приглянулся. Однако мнение невесты или жениха родители всё же спрашивали. Акуля наотрез отказалась выходить за Филиппа замуж. Она считала его не вполне серьёзным для семейной жизни. Засланные сваты после безуспешных попыток отступились.

Вскоре появился новый жених — Ион. Он был единственным сыном у дяди Матвея и тёти Дарьи. В маленькой деревне все неплохо знали друг друга. Рассматривая кандидатуру нового жениха, рассуждали так: один сын в семье — редкое на селе явление, его не призвуют на военную службу в мирное время. Родители — уважаемые люди. Сам парень серьёзный, «не вертлявый», окончил полный курс церковно-приходской школы с похвальным листом, который выдавали тогда редко. Такое тщательное «взвешивание» всех за и против привело к общему согласию. Понравился Ион и Акуле, которой было тогда неполных семнадцать лет. В 1912 году молодые обвенчались. Как принято, отшумела весёлая деревенская свадьба и началась семейная жизнь.

Молодая невестка, привыкшая в родительском доме к труду и порядку, быстро сошлась со свекровью и свёкром. А уж с мужем — и говорить нечего! — начали жить душа в душу. Ион был толковым и рассудительным, работающим и в меру «смирным».

Всё шло очень даже хорошо, и люди по-доброму завидовали молодой семье. Однако вскоре грянул лихой 1914 год. Началась война, которую вскоре назвали мировой. Мужа Акулины призвали на фронт. Очень тяжело было им расставаться. Прощались в слезах. Бабушка, вспоминая ту далёкую разлуку, рассказывала: «Ион сильно любил меня и знал, что я отвечаю ему тем же. Он верил в то, что я не предаю его и не изменю ему — встречу с войны каким угодно, только бы живым». И всё же при расставании Ион сказал Акуле: «Я люблю тебя и верю, что мы ещё будем вместе, только ты не увлекайся, не заглядывайся на мужчин. Если дойдёт до меня слух, что ты вела себя неверно, я домой не вернусь — от стыда»...

Три долгих года находился рядовой Ион на передовой, участвовал в непрерывных и затяжных боях в болотах Белоруссии и Польши. Немцы воевали с ожесточением: впервые на этом участке фронта стали применять отравляющие вещества, против которых не было в России необходимых средств защиты. Но, как известно, голь на выдумки хитра: воины смачивали мочой повязки, дышали через них и тем самым спасались.

Ион был контужен несколько раз и получил серьёзное ранение в бедро. Рана долго не заживала. Больного поставили на ноги в военном госпитале в Самаре. После этого он снова отправился на фронт, в свою часть. Не было ни единой возможности хоть на час заглянуть в родную деревню, повидать молодую жену да отца с матерью.

В 1917 году Ион сильно простудился, заболел сыпным тифом и попал в лазарет. Выздоровливал тяжело, условия были плохие. Больных «вши ели напоед». В таком состоянии застала его революция.

Солдаты стали возвращаться домой. Для больных это было невероятно сложным делом. Но каким-то чудом Ион добрался до дома. В деревню его привезли на телеге, с которой он даже и слезть-то самостоятельно не мог: сильно болели простуженные в болотах ноги. Однако со временем молодой организм — двадцать три года, радость возвращения, долгожданная встреча с любимой и родителями, целебный деревенский воздух да здоровая еда сделали врачующее дело: воин поправился, стал работать дома и в поле.

А работы было много. Новая власть увеличила крестьянские надель, отобрав землю у местного помещика Маланчева. Молодые думали, что теперь дело в стране пойдёт на лад. К большой радости Акулины и Иона осенью 1918 года у них родился сын. Назвали его Мишей. Имя выбрала мать — в честь горячо любимого брата, того самого, что качал её в зыбке. Брат Михаил тоже ушёл на войну. От него не было ни слуху ни духу. Родители и сёстры уже не чаяли увидеть его живым.

Потом в стране разразилась гражданская война, и Ион ушёл с красными защищать революцию. Бойня была страшная — с огромными потерями как с той, так и с другой стороны. В одном из боёв на станции Дебальцево Донецкой области Ион погиб. Он был зарублен шашкой. На станции муж Акули был приставлен к телеграфу, благодаря которому осуществлялась связь между бронепоездами. Ворвавшиеся в Дебальцево белоказакки порешили Иона на месте. Это случилось в том же 1918 году.

В возрасте двадцати двух лет Акулина осталась вдовой с младенцем на руках.

Бабушка рассказывала нам, с какой болью отправлялся Ион на гражданскую войну. При расставании долго держал на руках сына, согревал его своим теплом и горько плакал, словно предчувствовал, что не вернётся. Будто навсегда прощался с крошкой.

ЖИЗНЬ БЕЗ МУЖА

Невыносимо тяжело перенесла моя бабушка один из первых суровых ударов судьбы. Верная своему выбору в двенадцатом году, она осталась в семье мужа. Вместе со свёкром и свекровью вела крестьянское хозяйство и поднимала сына. Ещё в годы Первой мировой войны в отсутствие мужа стала выполнять мужскую работу — ухаживала за скотиной. Тогда они держали две лошади, корову, от пяти до десяти овец, две свиньи и полтора десятка кур. Вся живность надо было вовремя накормить, напоить, прибрать и приглядеть за ними. На Акулине были и полевые работы: пахали тогда тяжёлой деревянной сохой, косили вручную косой, жали серпом, молотили цепом. Молодая вдова крутилась, как белка в колесе, целыми днями — с утра до позднего вечера. С сынишкой чаще всего нянчилась свекровь Дарья.

А время легче не становилось, гражданская война продолжалась. Через деревню проходили то белые, то красные. После их ухода крестьяне не досчитывались многого: то живность со двора заберут и зарежут, то в амбаре зерно уполовинят или же вообще подчистят, то в поле кладь снопов обмолотят. Грабили что одни, что другие. Кормиться надо было всем, выживали любой ценой. Сопrotивляться было невозможно — это были люди с оружием. Оставалось только горевать да терпеть.

Свёкор часто болел. В непогоду, во время обострения болезни он неделями не слезал с печи — только советы давал. Наравне с мужиками Акуля ездила на лошадях

за дровами на делянку. Жала, косила, трепала лён, молотила, пряла, ткала. Вместе со свекровью топила печь, стряпала, воспитывала сына.

Сельчане говорили ей, да она и сама чувствовала, что находится в беспросветной кабале. Овдовевшие деревенские мужики и даже парни предлагали ей руку и сердце, но она отказывала всем.

В поздних беседах со мной и сестрой Валентиной она, воскрешая в памяти те дни, говорила: «Я много думала и хорошо сознавала, что для себя, возможно, и найду некоторое облегчение и утешение, но сына я, скорее всего, потеряю». А она его безмерно любила и ещё более сиротить не собиралась. В отношениях с мужчинами держала стойкое табу. В нашей деревне даже легенды о ней ходили. Да я и сам однажды был свидетелем таких разговоров. Сидят на завалинке женщины, наблюдают, как петух за курицей по улице гоняется. «Это наша Акуля от мужиков удирает», — говорит одна. И сцена, и сказанные слова красноречиво характеризовали мою бабушку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРАТА

Стояло лето 1920 года. Однажды в деревню прибыла подвода. На дровнях — солома. На соломе существо с обликом человека, измождённого, в лохмотьях. Сельчане узнали в нём родного брата Акули — Михаила Ивановича Вершинина. (В деревне Иван и его сын Михаил выделялись большим ростом. Их и стали называть Вершиниными. Прозвище закрепилось за ними, и они даже поменяли фамилию Константиновы на Вершинины). Прибежавшая Акуля едва разглядела в оборванце черты любимого брата. Жива была ещё мать Михаила. Она и жена Прасковья с двумя подростками обнимали родного человека, вернувшегося практически с того света. Через шесть лет абсолютного отсутствия вся деревня на него дивилась. «Суший скелет», — сокрушались женщины.

Никто не верил, что Михаил выживет и поправится. Однако чудо произошло: Михаил Иванович начал вставать с постели и кое-как разговаривать. Домашние узнали, что был он в плену, очень далеко — в какой-то очень жаркой стране, где живут чёрные, как чугулки в печке, люди.

Постепенно Михаил стал вспоминать, что же с ним происходило. С группой солдат российской армии он попал в германский плен. Немцы использовали пленных как рабочую силу на заводах, фабриках и шахтах. Они перебрасывали их даже в свои колонии на африканском континенте. Так вот и оказался Михаил Иванович в Конго. Оказался он там не один. Через Средиземное море немцы отправили туда целый пароход, набитый пленными. Все работали в Конго на руднике, под землёй. Кормили их ужасно. К тому же душила несусветная жара. Многие не выдерживали таких условий — умирали, гибли вдали от Родины. Выживали только закалённые жизнью, крепкие здоровьем люди. Но и они мучились, томясь в плену и не имея никаких шансов вернуться на родину. Но эта цель, цель единственная — возвратиться на отчизну — грела в душе каждого.

Однажды с небольшой группой пленных Михаил разгружал в порту торговое судно, прибывшее из Одессы. Родная речь матросов обострила чувства — обманув охрану, друзья по несчастью потихоньку поднялись на пароход, договорились с командой и спрятались в трюме в мешках из-под муки.

Без денег, без продуктов, почти без одежды, но добрались-таки они до обетованной земли. С невероятными трудностями эти практически безграмотные люди

каким-то чутьём стали искать путь к родному порогу. Сумел и Михаил Иванович, основательно подорвав здоровье, добраться до своей деревни.

Дома он лечился целебными травами, питался здоровой деревенской пищей, был окружён лаской и заботой матери, жены, родных дочек и сестры Акулины. Его здоровье пошло на поправку.

Всё бы хорошо, но грянул 1921 год — сухой и холодный. В Поволжье мало чего собрали. Впереди маячил голод. Бабушка нам рассказывала, что за всё лето в нашей Иванаевке не выпало ни одной капли дождя. Не уродилась даже картошка, не говоря уж о хлебе. Никаких запасов в семье Михаила Ивановича, конечно, не было. Нужно было принимать какое-то решение. Случайно Михаил сумел связаться с земляком, жившим в Подмосковье. Узнав, что прокормиться там можно, он погрузил на телегу свои нехитрые пожитки, забрал семью и отправился в село Батюшево под Москвой. Оттуда он сообщил Акуле, что у них всё в порядке и с голоду умирать не придётся. Так оно и было.

Но от судьбы, как говорится, не убежишь. Во время родов, умерла жена Михаила — Пасковья, а спустя некоторое время, простудившись, слёг с воспалением лёгких и Михаил Иванович. Вскоре умер и он.

Сестра Акулина заочно оплакала горячо любимого брата и долго-долго о нём горевала.

Голодное время деревня перенесла очень тяжело: к весне 1922 года люди подъели все запасы небольшого урожая — вытрясали из пустых мешков всё, даже пыль. Люди съели в деревне всех кошек и собак — ни мяуканья, ни собачьего лая больше не было слышно. И всё же от голода вымерло полдеревни. Погибали, порой, целыми семьями. Акулина Ивановна всю оставшуюся жизнь вспоминала, как со свекровью пекли маленькие караваи — наполовину с отрубями и лебедой для трёхлетнего сынишки. Сами же питались лебедой, заготовленной с осени, да корой деревьев — вяза и ильма.

Весна оказалась очень ранней и тёплой. Прошли обильные дожди, согнали снег. Половодье было очень дружным и доселе невиданным. Влага и тепло делали своё дело. В апреле в лесу появились сморчки. Их было так много, что на маленьких полянах можно было косить их косой. Такой тёплой и грибной весны бабушка больше никогда не наблюдала. Изголодавшийся люд, еле передвигая ноги, потянулся в лес. Однажды на обратном пути бабушка и её подруги увидели лежащего на обочине подростка. Подойдя к нему, поняли, что он мёртв. Рядом валялась корзиночка с грибами — не хватило сил мальчонке донести их до дома. Пережившим это голодное время людям долго не верилось, что они уцелели в столь страшной беде.

ВСТУПЛЕНИЕ В КОЛХОЗ

В 1929–30 годах в деревне началась бурная агитация за вступление в колхоз. Из центра в деревни были направлены передовые рабочие заводов и фабрик, так называемые двадцатипятипятисычники. На местах они подбирали себе активных помощников, как правило, из числа бедноты. Вначале активисты посещали каждый двор и рассказывали о планах партии большевиков по созданию на селе колхозного строя. Ходоки тут же записывали желающих вступить в колхоз. После такого подомового обхода выяснялось, что желающих вступить в колхоз практически не было. Написал заявление о добровольном вступлении только один человек из всей деревни — Артемий Демидов. Он считался самым зажиточным по тем временам: содержал маленькую торговую лавку, продавцом в которой работала его жена. Никакого наёмного труда

он не использовал, ему помогали только взрослые дети. Одну из комнат своей пятистенной избы он предложил под контору — правление будущего колхоза. Вслед за Артемием пошли в колхоз несколько бедных безлошадных мужиков. Некоторые из них слыли на деревне откровенными бездельниками. «Трудились» они чаще всего по принципу: «Работа, ты меня не бойся, я тебя не трону!» Видя, что средние хозяйства по доброй воле в колхоз не идут, агитаторы перешли к открытым методам принуждения. Ходить по домам они больше не стали, а начали приглашать по одному в свою контору (правление) и там заставляли писать заявление о вступлении. Если согласия не было, в ход шли штрафы и угрозы — вплоть до высылки в Сибирь.

Бабушкин свёкор Матвей Матвеевич был обстоятельным крестьянином, знал порядок в делах, но по характеру был довольно робким и контактов с представителями власти старался избегать. По вызову в контору он сам ходить не решался, а отправлял сноху, Акулину Ивановну, которой давал наказ — прежде всех в колхоз не вступать. Советовал так говорить партийному начальству: «Пойдут в колхоз все сельчане — мы тоже пойдём». Но такую же позицию занимало большинство деревенских жителей.

Чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, партийцы начали вызывать к себе каждого крестьянина по два раза в день. При встрече диалог был кратким: «Идёшь, Матвеева Акулина, в колхоз?» — «Нет, не иду!» Если было утро, то ей говорили, чтобы вечером она принесла штраф в размере десяти рублей. Корова тогда стоила дешевле. Один раз с согласия свёкра Акулина Ивановна эти деньги скрепя сердце внесла. Но процесс продолжался, а денег в хозяйстве больше не было. Пришлось-таки заявление о вступлении в колхоз написать. То же самое сделали и остальные сельчане. Но были и такие упрямы, как, например, сосед по двору Матвеевых Ермил Парфёнов, двоюродный брат Акулины Ивановны. Никакие штрафы и угрозы на него не действовали. Забрали у него всё имущество, все предметы домашнего обихода, весь крестьянский скарб, забрали даже деревянные ложки (а других и не было). Забрали у него и избушку, выпроводив его с женой на улицу. До самого начала Отечественной войны Ермил в колхоз так и не вступил — жил в бане, плёл лапти сельчанам.

Что касается Артемия Демидова, первым вступившим в колхоз, то с ним поступили не лучше. Когда колхоз практически оформился, его исключили как «кулацкую образину» и увезли, видимо, в Сибирь. Больше никто его из деревенских не видел.

Как и всё новое, колхозная жизнь внедрялась с большим трудом. Бабушкин свёкор отвёл со своего двора в колхоз главную ценность — двух лошадок. Увёл со слезами на глазах. Умные животные тоже не хотели расставаться со своим хозяином. Часто после тяжёлой колхозной работы они, уставшие, подходили к родным воротам. Прадед мой, Матвей, поглаживал их, впускал во двор и кормил, как членов семьи, — делал замес мелкой овсяной соломы с мякиной и посыпал его отрубями. Сытым, им и со двора уходить не хотелось... И как же горевали свёкор и Акулина Ивановна, когда узнали, что обе лошадки вскоре погибли. Кто-то из новоявленных хозяев зимой напоил их, разогретых до пара и пены, ледяной водой. И на ночь оставил на лютom морозе. Лошади погибли, как часто умирали и люди, от воспаления лёгких.

Долго привыкала деревня к колхозной жизни. Постепенно руководить колхозом стали люди поумнее и понадежнее. До конца дней своих бабушка добрым словом вспоминала колхозного бригадира Демьяна Парфёнова, родного брата Ермила, не вступившего в колхоз. Два брата антипода. Акулина Ивановна так и говорила: «Такие люди, как наш Демьян, и должны управлять любым хозяйством. Они в душе готовы к этому и знают толк в порученном им деле». За весь долгий путь в колхозе она не припомнила ни одного случая, чтобы кто-то обиделся на Демьяна за то, что он не учёл какой-либо выполненной работы или оценил её неверно. Ничто не забывалось

у Демьяна, ничего не пропадало. Он не курил и никогда не употреблял спиртного. Дела в колхозе пошли в гору. Правильно организованный коллективный труд стал давать свои результаты. По рассказам Акулины Ивановны, наш колхоз перед войной стал богатым, а трудодень был весомым. Где-то в 1936–37 годах на трудодень колхозники получали вдоволь и хлеба, и овощей, и корма для скотины. Заработанного было столько, что богатство это некуда было ссыпать — все домашние хранилища были переполнены. Да и все обязательства перед государством были перевыполнены. Вполне возможно, что такие результаты закрепились бы и вошли в обычную практику, если бы империалисты не навязали нам тяжёлую войну, которая обескровила не только маленькие селенья, но и большие города.

КОММУНЫ

Большевики пытались организовать в деревне так называемые коммуны — поселения бедноты, которой власть старалась всячески помочь встать на ноги, как говорится, «опериться». Им подвозили отобранные у помещиков предметы быта, одежду, обувь, продукты и прочее. Ожидалось, что эти люди, принимая такие знаки внимания, станут в знак благодарности отлично работать, показывая образец коллективного труда. Предполагалось создавать такие показательные поселения в пример единоличным хозяйствам. Но увы! Этого не произошло. Люди, собранные в коммуны, стали нежиться в барских хоробах и вовсе не желали работать. Когда всех помещиков разорили, обеспечивать «коммунаров» стало нечем. А ведь им нужны были, в первую очередь, продукты: хлеб, молоко, мясо и т. д. Организаторы коммун пошли в народ, к мужикам, что жили своим трудом, но чуть лучше других. Мужиков уговаривали поделиться с коммунарами — отдать им корову, овец, лошадь. Пришли с таким предложением и к Матвею Матвееву. Это были представители соседней деревни Берёзовки, а с ними и два местных активиста Иван Кузнецов и Демьян Парфёнов — тот самый двоюродный брат Акулины Ивановны.

Моя бабушка вспоминала: она только что убаюкала сынишку и принялась мыть пол в избе. Нежданные гости, как говорится, явились, не запыхались. У мужиков в руках была верёвка. Иван Кузнецов зачитал решение деревенской власти об изъятии из хозяйства Матвея коровы в пользу бедствующих. Свёкор Акули лежал на печи, болел. Молодая мать представила на минуту, как они останутся без единственной кормилицы. Недолго думая, она, размахнувшись, швырнула мокрую тряпку гостям под ноги и крикнула: «Уходите! Корову я вам не отдам!» Мужики попятились. Акуля заметила на глазах брата Демьяна выступившие слёзы.

Мужики ещё некоторое время потоптались перед избой, о чём-то переговариваясь, потом ушли.

«Акуля, вот ты не отдала корову, а ведь отправят в Сибирь умирать меня!» — сказал свёкор. «Я не отдала — пусть меня и везут», — ответила сноха.

На этот раз всё обошлось.

Однако через некоторое время за коровой пришли снова. И как ни упрашивала Акуля, как ни плакала, корову со двора увели.

«Что это за власть-то такая? — думала Акуля. — Муж за неё погиб, а она, эта власть, оставляет маленького его ребёнка без молока».

Кто-то из сельчан посоветовал пойти Акулине Ивановне в Набережные Челны (сто километров от нашей деревни) к «самому большому начальнику». Он-де разбирается в жизненных делах и имеет полномочия.

Акулина отправилась пешком, три дня в одну сторону, три — назад. Вернулась с бумагой на имя Ивана Кузнецова, в которой начальственной рукой было написано: «Гражданке корову вернуть! Что же вы творите?» Так корова вернулась домой, хорошо хоть зарезать не успели.

Бойко действовали тогда и продотряды, имеющие неограниченную власть. В один день такой отряд подкатил к хозяйству Матвея Матвеевича. Бойцы выяснили, что в сусеках амбара есть кое-какой запас, в том числе пшено. Эти запасы они скорее всего уполовинили. После этого начальник продотряда распорядился амбар закрыть на замок, а ключи передать активисту Константину Лазареву. Ему был дан строгий наказ выдавать хозяевам зерно по мизерной норме в сутки. После отъезда продотряда Константин отдал ключи Акулине Ивановне и посоветовал перепрятать зерно в подполье, а в амбаре оставить лишь часть — для видимости. Лазарев, конечно, рисковал. Тем не менее, он поступил по-человечески.

ОРЕНБУРГСКИЙ ТРАКТ

После завершения коллективизации для сельчан помимо полевых «нашлась» дополнительная работа — ещё более тяжёлая и суровая. В стране стали появляться первые грузовые машины, а дорог для них в нашей местности не было. Был, конечно, многорядный гужевой тракт «Казань-Оренбург», по которому когда-то в кибитке мчался сам Пушкин. Добротными на этом тракте были только мосты, построенные, как говорят, ещё во времена правления Екатерины II.

Нужда в автодороге в тридцатые годы XX столетия была крайне острой. На строительство дороги бросили деревенский люд — с лопатами и носилками. В летнее время каждый колхоз выделял бригаду из мужчин и женщин. На лошадях подвозили песок, гравий и речные камни из оврагов. Женщины с помощью носилок создавали гравийно-песчаную подушку, мужчины специальными деревянными бабами утрамбовывали её. Подъёмы и спуски дороги выкладывали бульжниками. Люди, как муравьи, копошились на этой стройке. Это был непосильный ручной труд — не было ни тракторов, ни бульдозеров, ни экскаваторов. Женщины лопатами рыли кюветы длиной в десятки километров. Вконец обессилов, бригада отправлялась не на отдых, а в поле. Эту бригаду заменяла другая, пришедшая с полевых работ. Так работали — без выходных, за всё те же трудодни — на протяжении трёх лет. Наконец адова работа была завершена.

Акулина Ивановна до последних дней своей жизни вспоминала этот каторжный, нечеловеческий труд. Он был сродни тому труду, который так правдиво описал Н. А. Некрасов в стихотворении: «Железная дорога». Люди с отчаяньем обращались к бригадирам: «Когда же закончатся эти мученья?» Один из них, Ананий Ермилов, явно с чувством юмора, отвечал: «А вы разве забыли, как вас агитировали в колхоз, как обещали вывести вас на „светлую дорогу жизни“? Вот она и есть эта дорога. Так чему вы удивляетесь?»

В наших краях, от Чистополя до Бугульмы (а это двести километров), дорогу строили жители сёл и деревень, по которым она проходила. На других участках Оренбургский тракт создавался так же. Эта дорога без асфальтового покрытия служила народному хозяйству страны четыре десятка лет. По ней пылили полуторки, газики, ЗИСы и ЗИЛы, послевоенные «студебеккеры», МАЗы и КРАЗы; направлялись на новостройки Заинска, Набережных Челнов и Нижнекамска БелАЗы, скреперы, экскаваторы, бульдозеры и прочая техника. Пробегали редкие легковушки. Дорогу

выпрямили, расширили и покрыли асфальтом только в 70-е годы XX века. Теперь она идёт полями и лугами мимо многих сёл и деревень.

ЖИЗНЬ СЫНИШКИ МИШИ

Миша рос крепеньким мальчиком. Акулина Ивановна в нём души не чаяла. И он, в свою очередь, трогательно и нежно любил свою мать. А к деду Матвею был привязан, как к отцу. Ни на шаг от него не отходил и за столом, во время обеда, вскарабкивался на стул рядом с дедом. Акулина Ивановна умилялась такой идиллией. С десяти-двенадцати лет мальчик стал ездить с дедом в поле. Дед разбрасывал из лукошка семена по пашне, настраивал борону, а боронил внук, ловко управляя лошадкой. Даже соху он начал осваивать чуть ли не в детские годы.

Учиться в школе Миша начал с большим интересом и учился настолько хорошо, что после второго класса его перевели сразу в четвёртый, который он также закончил на «отлично». Потом была семилетняя школа в соседнем селе Добромьш, что в четырёх километрах от нашей деревни. Каждый день Миша ходил туда и обратно пешком. Семилетку он закончил с похвальной грамотой.

Очень хотел учиться дальше, но дед Матвей старел, да и болезнь не давала ему покоя. Дед частенько ворчал, что не хватает помощника в хозяйстве. Конечно, в каникулы Миша очень помогал Матвею Матвеевичу, успевал ещё и в колхозе работать.

Но тяга к учёбе одолевала парня. Однажды во время обеда дед опять стал жаловаться на слабость и пытался вразумить внука. Миша, не выдержав, заплакал и сказал: «Вы готовы повесить на меня пастушеский кнут!» Дед Матвей не стал более упорствовать и отправил внука учиться в среднюю школу, в районный центр Акташ, находившийся от нас в тридцати километрах. Там Миша три года жил на квартире, на выходные же приезжал или приходил домой пешком. В каникулы на полную катушку работал в родном колхозе: косил, подвозил снопы к формируемой клада, работал на конной молотилке.

Миша едва ли не первым из нашей маленькой деревни успешно окончил среднюю школу. Все домашние, включая и деда Матвея, радовались этому событию. Образованных людей на селе в то время практически не было. Порой и письмо, присланное кому-нибудь из сельчан, прочитать было некому.

По окончании учёбы — в 1937–38 году — Миша был назначен учителем начальных классов в школу соседнего села Олимпиадовка. Там он проработал два года.

Летом 1938-го же года Михаил женился на девушке из Юсупкино. Женился по любви. Невеста, Александра Михайловна Чекрыжова, отвечала ему взаимностью. Была он стройная, крепкая и очень работящая, под стать Акулине Ивановне. Молодые были ровесники. Через год у них родился первенец — моя сестра Валя, а потом, через два года, появился я. К тому времени наш отец работал учителем начальной школы в родной деревне Иванавке.

Ещё в то время, когда Миша жил в Олимпиадовке, умер дед Матвей. Горькими слезами провожали его в последний путь жена Дарья, сноха Акулина Ивановна и Михаил с Александрой.

Однако жизнь продолжалась.

Над страной начали сгущаться тучи — во всю мощь загрохотало на западе страны, началась Великая Отечественная война. Отец был активным комсомольцем и в первый же день войны написал заявление с просьбой об отправке его на фронт добровольцем. Сразу его не взяли, до декабря 1941 года отец продолжал учить детей...

6 апреля 1942 года с дороги, ведущей на передовую, от отца пришла домой последняя открытка. Дальше следовало молчание до самого окончания войны. После Победы наша семья, как и многие семьи страны, получила не «похоронку», а официальное извещение о том, что рядовой Матвеев Михаил Ионович, 1918 года рождения, числится пропавшим без вести на фронте Великой Отечественной войны 12 апреля 1942 года. С такой скупой и скорбной информацией мы жили целую четверть века, не зная где и как воевал отец, какая судьба выпала на его долю, как он погиб и где похоронен.

На момент получения «похоронки» мне шёл четвёртый год. Я мало что понимал, но помню отчаянные рыдания Акулины Ивановны, моей дорогой бабушки. Сражённая известием, как пулей, она упала на пол, навсегда потеряв единственного сына. Это был второй после гибели мужа страшный удар судьбы, который ей предстояло вынести и пережить.

Много раз, значительно позднее, она, вспоминая, произносила: «Ушли отец и сын, как будто одногодки — и тому, и другому было по двадцать четыре года».

ЖИЗНЬ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ И МОЕЙ МАМЫ В 1941–1952 ГГ.

Война внесла радикальные перемены в жизнь тыловой деревни. Тяжёлый сельский труд перестал делиться на мужской и женский. Все колхозные и домашние дела целиком легли на плечи женщин, стариков и подростков.

Мама днями и ночами пропадала на работе, ухаживала за лошадьми, коровами и овцами. Без добротной одежды (в фуфаячке) и обуви (в лаптях), в любую погоду несла свою вахту. Без полноценного питания (хлеб наполовину с мякиной и лебедой) она целыми сутками ухаживала за колхозной скотиной. Корма для животных тоже не хватало: лошади, ослабев, падали от изнурения прямо на колхозном дворе. Лошадок поднимали при помощи верёвок и привязывали так, чтобы они стояли, не падали, к переводам, имеющимся в основании кровли. Бывало, что, окончательно ослабев, они погибали.

Однажды по весне мама пасла лошадей на первых проталинах. Один жеребец, на котором обычно разъезжал председатель колхоза, вернувшийся с фронта после ранения, увлечшись сочной травой, потерял осторожность и подошёл очень близко к обрыву. Грунт под ним начал сползать, и конь свалился с кручи в бурлящую полую воду и утонул. Сколько было тогда переживаний мамы и Акулины Ивановны! Председатель настаивал на том, чтобы мама полностью покрыла ущерб. То есть нам надо было продавать всю свою скотину, в том числе и корову. Всё же здравый смысл восторжествовал — хоть и была волокита, но коровы-кормилицы мы не лишились.

Колхозные коровы, как и домашние, тоже часто голодали. Из-за того и молока давали мало. А спрос на него был огромный.

На ферме висел большой транспарант: «Всё для фронта, всё для Победы!» В этих условиях жестоко карали за падёж скота — можно было реально угодить в Сибирь на лесоповал. Могли и мать туда отправить, не оглядываясь на её малолетних детей. Слава Богу, наша мама избежала этой участи.

Мама отдавалась колхозной работе целиком, на нас просто не оставалось времени. Я и сестра были на попечении бабушки Акулины и её ослепшей свекрови, нашей прабабушки Дарьи. Они топили печь, готовили еду, ухаживали за скотиной. Иногда маме предлагали «передохнуть» — её перебрасывали на самые тяжёлые работы: в поле — пахать на упрямах быках, формировать кладь из больших снопов, либо

на лесозаготовки. Местный лесоповал находился в тридцати километрах от дома, в окрестностях села Урганча Новошешминского района. Добирались туда пешком, жили в лесных избушках «на курьих ножках» — и это зимой. В лесу — всё в тех же лаптях и фуфачках — тонули по пояс в сугробах. Поваленный лес шёл на строительство, на топливо для тепловых станций и на военные нужды. Все женщины, побывавшие на лесозаготовках, получили хронические болезни. Мама заболела туберкулёзом лёгких.

На полевых работах тоже было нелегко. Пара колёсных тракторов марки ХТЗ и комбайн «Коммунар» постоянно ломались. Чинили их в МТС. Можно сказать, что все работы выполнялись вручную или же на капризных быках и еле передвигающих ноги лошадях. И тем не менее все поля были обработаны, засеяны, и с них был собран весь урожай, до колоска. Даже нас, первоклассников, в 1949 году выпускали, как цыплят, в поле собирать оставшиеся после уборки колосья. Впереди нас, не спеша, на телеге с пологом ехал старичок-инвалид. В телегу мы и складывали колоски. Все тогда были при деле!

В моей памяти остались очень яркие картинки того невыносимого труда: в страду женщины поле жали серпами, снопы свозили в несколько мест и там формировали из них добротные клады, которые не боялись дождей.

В один день приходит указание обмолотить клады, а зерно отправить государству. У комбайна хоть и был мотор для молотилки, но комбайн не самоходный — двигаться сама машина не могла. Да и тракторов на ходу нет. Работу же надо выполнить любой ценой. И тогда все — от мала до велика — выходили в поле, привязывали верёвки к комбайну и на счёт «Раз! Два! Взяли!..» трогали с места многотонный монстр и по чуть-чуть, повторяющимися рывками дотаскивали-таки его до клады. Пожалуй, бурлакам с картины Репина приходилось легче — как-никак, а баржу тащили мужики, а не обессилевшие женщины да подростки.

Обмолотив кладь, народ тащил комбайн к следующей клады и так — до полного изнеможения..

Домашнее хозяйство и огород — сорок соток земли — обслуживала большей частью Акулина Ивановна, поздним вечером к ней присоединялась мама. По ночам они прями. А весной, Великим постом, ткали на ручном стане холст. Тогда я впервые узнал слова, ныне, кстати, во многом забытые: навой, пришво, набилки, ниченки, бёрдо, челнок, уток, основа и другие. Вытканые холсты белили по определённой технологии. Потом их расстилали просушиваться на травку возле избы. В моей памяти эти холстинные полосы до сих пор сияют снежным цветом. Помню, как хотелось пробежаться по этим белым дорожкам! Но делать это было строго-настрого запрещено. Из домотканого холста шили рубашки, штаны, пиджаки, портянки, мешки под зерно и картошку и прочее.

Вскоре после окончания войны вдовы, старики и подростки были «обеспечены» новой работой — очень трудоёмкой: копать глубокие ямы под посадку деревьев. Был тогда сталинский план преобразования природы. Одна из составных его частей — создание в полях лесозащитных полос. Все поля были расчерчены прямыми линиями, вдоль которых и формировались посадки.

Перед каждым личным хозяйством ставилась конкретная задача — где и сколько высадить деревьев, чаще всего берёз и сосен. Мама и Акулина Ивановна брали нас с сестрой в поле. Что и говорить, огромный труд был положен на создание этих полос. Главной задачей выполнения плана было защитить поля от иссушающих горячих ветров летом. Зимой же деревья задерживали на полях снег, который так необходим почве. Была и ещё одна польза: в этих посадках росли и до сих пор растут

замечательные грибы, в берёзовых — подберёзовики, белые и грузди; в сосновых и еловых — маслята и рыжики. К сожалению, сегодня отношение к лесополосам безобразное: берёзы беспощадно рубят на дрова владельцы коттеджей и бань, на веники срезают верхушки деревьев. То есть творится полнейший произвол.

В послевоенное время у деревенских жителей была ещё одна обязанность — собирать бересклет, так это называлось. Нужно было с корней кустарников, к примеру, волчьего лыка или бересклета, надрать кору, очистить её от земли, высушить и сдать несколько килограммов государству. И мама, и Акулина Ивановна, и мы с сестрой — все его драли. Нам говорили, что бересклет используется как сырьё в шинной промышленности. С созданием заводов по выработке искусственного каучука кустарный способ сбора бересклета утратил смысл. Однако нашим родителям пришлось в своё время изрядно помучиться.

УХОД ЗА СВЕКРОВЬЮ

В 1940 году свекровь Акулины Ивановны Дарью ударил инсульт. Сначала старушка ослепла, а чуть позже её парализовало, и она перестала передвигаться. На Акулину Ивановну легла дополнительная и очень тяжёлая забота — уход за свекровью. Свёкор Матвей умер почти сразу — воспаление лёгких «скрутило» его за неделю. А Дарья была прикована к постели целых девять лет. Акулина Ивановна была очень терпелива и великодушна, с большим вниманием она ухаживала за больной.

Условия жизни в нашей деревне были тяжёлыми: сюда не дошли ещё ни электричество, ни телефон, ни газ, ни водопровод. Воду — два ведра по десять литров каждое, носили на коромысле. Деревенские жители хоть и с горечью, но и с каким-то лихим оптимизмом шутили: «Коли цивилизация до нас не доходит, то и конец света не дойдёт».

Акулина Ивановна купала обездвиженную свекровь в большом корыте, передевала несколько раз в сутки и кормила из ложечки трижды в день. И всё это выполняла безропотно на протяжении многих лет. Схоронила она свекровь по всем правилам, предусмотренным Православной церковью и житейскими традициями. Было в Акулине Ивановне что-то от самой Матери Терезы и, видимо, в большой мере. Я считаю, что испытание, выпавшее на долю бабушки, — сродни большому человеческому подвигу.

РАБОТА НА СЕНОКОСЕ

Прекрасная летняя пора — месяц июнь. В деревне начиналась страдная пора по заготовке корма для скота. Для колхозной скотины выкашивались все заливные луга по берегам Шешмы и её притока Кичуя. Большой отряд косцов, строем ведущий прокосы, — зрелище невероятно красивое. Тем более, если это женский строй. Даже в военное и послевоенное время женщины в эту пору одевались ярко, по-своему красиво — ситцевые платья и кофточки в цветочек, лёгкие разноцветные платки и косыночки. Однако косить вручную, на самом деле, очень трудно. Временами при широком размахе косы в густой траве «ребро за ребро заходит».

Моя мама косила мастерски, она обладала природным здоровьем и силой. Это признавали все: и мужики, и бабы, её подружки. Акулина Ивановна тоже хорошо косила, умела это делать, но ей уже не хватало силёнки. Её покосы были уже. От мамы

и бабушки я рано обучился этому ремеслу. Однако силы мне часто не доставало. Но если долго мучиться, что-нибудь получится. И на сенокосе так же.

В 1957 году, когда я учился в девятом классе, Иванаевку подсоединили к соседнему совхозу, а наш колхоз ликвидировали. Для владельцев домашнего скота в подворьях разделили, помнится, второй укос клевера с люцерной в поле. Каждому владельцу коровы выделили по полгектара. Некоторые мужики подражались косить на делье тракторной косилкой за небольшие деньги или за «натуру», то есть, водку. У нас с Акулиной Ивановной не было ни того, ни другого и я тихонько начал косить сам. Три дня я не ходил в школу, но пай одолел с повышенным качеством. И даже бригадир Борис Ладанкин ставил мужикам меня в пример. Бабушка радовалась моей удали, старанию и умению. Это был едва ли не единственный год, когда мы не бедствовали из-за недостатка кормов для бурёнки.

Уборка сена на селе — яркое и удачное воплощение коллективного человеческого труда. На лугах всем находится дело. В сенокосную пору «вся деревня на лугу», как писал А. Н. Некрасов. Одни сгребают подсушенные ряды сена в небольшие копны, другие вилами складывают их на «лозы», прикреплённые к передку тележной упряжки, третьи — детвора — сидя верхом, подвозят копны к стогу. А крепкие мужики и женщины поднимают вилами эти копны на стог, делая его всё выше и выше... Наша мама часто работала у стога. Когда наступал обед, всех созывали к костру, где в огромном котле кипела лапша с бараниной. Даже в нашем бедном колхозе руководство для этого выделяло одного барана. Вкусной была эта добротная еда на свежем воздухе, тем более, что вкуса мяса в летнюю пору деревня практически не знала.

В жару молодёжь уговаривала председателя дать хотя бы полчаса на купание в Кичуе. Порой он соглашался и демонстративно доставал карманные часы. Что тут начиналось! Ныряли, переплывали речку. Кого-то хватили за ноги, за руки, раскачивали и плашмя бросали в воду. Кто не умел плавать, тот барахтался у берега, на мели. Крик, визг, гам, ликование, а вокруг переливаются на солнце радужные брызги. Ну, а потом — снова за дело. Пора сенокосная недолгая.

Война окончилась, но в деревне ещё долго жизнь была трудной. Немногие мужчины вернулись домой. Редкому двору, редкой хозяйке повезло — «повезло на три села одной...» В нашей деревне Иванаевке насчитывалось двадцать пять дворов. Двадцать пять мужиков не пришли с фронта. Овдовевшие женщины выматывались на изнуряющих работах и приходили в полное отчаяние.

Осенью 1950 года нашей маме сделал предложение Иван Дмитриевич — вдовец, фронтовик. Его жена Варвара умерла десять лет назад — простудилась на работе, тяжело заболела и выздороветь не смогла. Мама долго раздумывала, колебалась, робела. У Ивана Дмитриевича было пятеро детей. Правда, трое уже выросли и жили отдельно. При нём были дочь Евдокия и сын Ваня, мой ровесник. Маму настораживало ещё и то, что Иван Дмитриевич любил выпить.

В сложной житейской ситуации оказалась и Акулина Ивановна. Идти в дом к Ивану Дмитриевичу ей совсем не хотелось, а оставаться одной в избе — тоже не выход.

— Ты, Шура, иди, коли надумала. А я никуда из своей избы не пойду, — говорила она.

Мама отвечала:

— Дети будут постоянно бегать к тебе, пойдут всякие разговоры. Скажут ещё, что я их бросила.

Мы с сестрой, и правда, очень любили нашу бабушку и не представляли, как можно жить в большой семье без неё. Так мама и заявила жениху, что без свекрови она

замуж не пойдёт. После нелёгких раздумий Акулина Ивановна опять выбрала жертвенный путь: скрепя сердце она пошла с нами.

Осень и зиму (1950–1951 годы) мы прожили в большой и сложной семье. С Ваней и Дуней мы сдружились, но с отчимом — нет. Не помню, назвали ли мы его хоть раз отцом. А ему этого хотелось. Привыкнуть к «новому» отцу для нас с сестрой было очень сложно... Иван Дмитриевич после женитьбы с месяц крепился, не пил. Но на большее его не хватило: раз за разом всё чаще и чаще стал он «принимать на грудь». С мамой у них пошли нелады, и она решила уйти от него. По весне, когда сошёл снег, мы вернулись в родной дом. Мы с Валей помним, как чистили и отмывали его после квартирантов. И всё же это было радостное возвращение.

Радость возвращения была недолгой: нервозность краткого и неудачного замужества отразилось на мамином здоровье, она стала часто кашлять. Кроме того, мама была беременна. Все домашние дела свалились на всемогущую нашу Акулину Ивановну.

Осенью 1951 года мама родила девочку. Назвали её Надеждой. Имя очень символичное, однако мамины надежды не оправдались. После родов мама совсем ослабла и разболелась — у неё стал развиваться туберкулёз лёгких в открытой форме. Все мы жили в одной избе. Она была дырявой, продуваемой, и зимой мы часто ютились на тёплой печке всем скопом.

Туберкулёз в то время был практически неизлечим, да и жили мы в глуши. Бабушка старалась исполнять все советы и рекомендации врачей. К примеру, больную нужно было поить растопленным барсучьим салом. Акулина Ивановна бросилась к охотникам, в село Ерсубайкино, за двадцать километров от нашей деревни. Купила там пудовую тушку барсука и на горбу, пешком, притащила домой.

Какое-то время мама лежала в больнице, но лекарства не помогали. Не помогло ни сало, ни мясо барсука — мама таяла, как свечка. Я до сих пор помню, как она кашляла с кровью.

Всё это время она продолжала кормить грудью Надю.

Акулина Ивановна всё молилась Богу, чтобы помог снохе: «Пусть лучше я умру, — говорила она, — а ей нужно жить и растить детей. Зачем их сиротить?»

Чуда не произошло. Десятого июня 1952 года мама умерла.

Кроме нас с сестрой, на руках у бабушки осталась девятимесячная Надя. Девочка порывалась уже вставать на ножки и припрыгивала на руках у бабушки. Сельчане советовали отдать ребёнка родному отцу, но Акулина Ивановна понимала, что для безвзванного младенца это будет равносильно гибели.

После смерти мамы прошло два месяца. Ни мы, ни бабушка, которая не отходила от больной, не заразились. Не убереглась только Надя. В конце лета мы её похоронили рядом с матерью.

ПОХОРОНЫ МАМЫ

Я держал бабушку за руку.

— Не плачь, — шептал я ей дрожащими губами.

Рядом навзрыд плакала моя старшая сестра Валя.

Мы втроем сидели возле гроба, в котором лежала, навсегда упокоившись, наша мама. Мы с сестрой очень боялись, что от сильных переживаний и неуёмного плача и с бабушкой может случиться что-то непоправимое, и тогда мы останемся совсем

одни на этом свете. Но как было не плакать, как удержат слёзы, если Акулине Ивановне предстояло похоронить не просто сноху, не просто дочь, как она её называла, а мать маленьких детей-сирот.

Смерть мамы, Александры Михайловны, не была для сельчан неожиданной. Они скорбели вместе с нами и сочувствовали всей душой.

Похороны пришлось на православный праздник Троицу. Вся природа цвела и ликовала, а на наши плечи навалилось непосильное горе. Маму хоронили всем селом и со всеми возможными в послевоенную пору почестями: гроб несли на руках до самого кладбища, которое находилось в селе Юсупкино, — три километра от нашей деревни. На этом же кладбище покоились родители мамы Устинья и Михаил и свекровь и свёкор Акулины Ивановны Дарья и Матвей.

В последний путь маму провожал весь колхоз. Гроб, обильно политый нашими слезами, с телом любимой мамы, опустился в землю.

Мне было десять лет, сестре — двенадцать, Акулине Ивановне — пятьдесят восемь. Со всей остротой вставал вопрос: как жить дальше?

ВЫЖИВАНИЕ

Некоторые советовали бабушке отдать нас в приют. Так тогда в деревне называли детский дом для детей-сирот. Акулина Ивановна выслушивала эти советы, и сердце её обливалось кровью. Для неё было невыносимо даже представить нас в таком заведении, она считала это откровенным предательством. Бабушка решила: оставаться жить всем вместе в своей избе. Только одно её беспокоило — хватит ли ей сил и здоровья вырастить нас. В молитвах к Богу она просила продержаться на этом свете хотя бы лет пять-семь.

Глядя на эту непростую ситуацию с высоты своего возраста и житейского опыта, я с благодарностью говорю: «Дорогая наша бабуля, какая же ты была у нас молодчина!» Прошло ведь только семь лет, как закончилась тяжелейшая война. Деревня, обессилив основательно, бедствовала. Многое было запущено, хотя, надо отдать должное женщинам и подросткам, поля ежегодно были вспаханы и засеяны. Колхозные стада коров и овец не уменьшались. Правда, работать приходилось с большим надрывом. Смерть мамы — свидетельство тому.

Перед нами во весь рост вставали вопросы: как выжить и не умереть от голода, где взять средства на одежду и обувь, как и чем обогреть жильё зимой, держать или не держать корову? Если держать, то как и где заготавливать для неё корм?

Жизненный опыт бабушки показывал, что для здоровья необходимы молоко и молочные продукты и, пусть не так часто, мясо — свинина или баранина. Телят не резали, их либо меняли на хлеб, либо, из-за полного безденежья, продавали. Эти деньги, как правило, шли на одежду и обувь. Содержать корову в послевоенное время было делом трудным даже для семьи, где был хотя бы один здоровый мужчина. Для коровы на зиму надо было накопить и привезти домой — на лошади или быке — не менее десяти возов сухого сена. Если эти запасы пополнить ещё и соломой, особенно овсяной, то продержать бурёнку в сытости можно будет всю долгую зиму. Проблема заключалась ещё и в том, что заливные луга выкашивались на корм колхозной скотине, а на всех буграх, откосах и возвышенностях всё лето пасся скот, и сена там накопить, даже в дождливое лето, было невозможно. Трава там просто не успевала вырасти.

Акулина Ивановна решила с коровой не расставаться. Однако её содержание обошлось дорогой ценой. По зарослям ивняка с риском потерять зрение бабушка махала серпом и теребком и привозила домой возок-другой душистого сена.

Иногда колхоз делил на трудодни так называемый второй укос на заливных лугах. Однако учитывались трудодни, заработанные исключительно на колхозном сенокосе. У нас таковых было меньше всех, потому что не было реальных косцов.

К бабушкину маханью серпом по неудобьям подключались и мы с сестрой. Конечно, неумело, без сноровки и опыта. В один из таких дней я чуть не отхватил себе палец на левой руке. Увидев мою окровавленную руку, бабушка сильно перепугалась и долго меня после этого с собой не брала.

От матери осталась хорошо отлаженная коса. При жизни мама иногда брала меня с собой на косьбу, но не как работника: я любовался Кичуем, дышал воздухом, настоящим на луговых травах, и даже хрумкал, как лошадка, витаминным борщовником. Наблюдения мои помогли потом довольно быстро освоить косьбу. Уже вскоре после смерти мамы я прытко косил по крутым оврагам, стараясь делать прокосы в травах на манер матери.

Но косьба вручную — дело нелёгкое. Силёнки для этого у меня было маловато, но я старался изо всех сил и очень радовался, когда из накошенной мной травы получалась вязанка-другая душистого сена. Скашивал я в оврагах даже жгучую крапиву и зимой удивлялся тому, как наша корова уплетает её, как самое вкусное лакомство.

Вообще, за непривередливость в еде нашей бурёнке можно было памятник поставить — если не было сена, она с большим аппетитом питалась грубой ржаной соломой. Заготовленного летом корма на всю долгую зиму не хватало. Частенько я после уроков брал большие салазки и шёл, утопая в снегу, в поле. Там отыскивал место, где осенью стояли стога. Их уже давно свезли на колхозный скотный двор и скормили. Но под снегом остались крайки омета. Я вилами теребил остатки соломы, выковыривал её и, набрав, по детским меркам, воз, с удовлетворением волочил его к дому. Голодная корова ждала меня с нетерпением. Иногда она призывно мычала, глядя в мою сторону. Порой её нетерпение было столь велико, что она, перемахнув через низенький забор, шла, проваливаясь по брюхо в снегу, встречать меня. С голодной радостью хватала она ртом пучки грубой соломы и, смачивая слюной, с трудом глотала. Я легонько поглаживал её. У нас с ней была трудная жизнь, но мы шевелились, стараясь не думать о смерти.

По весне, когда скотину выгоняли на травку, наша бурёнка своим тощим видом и неровными клочками шерсти выделялась среди других коров. Ей очень радовались галки, вороны, сороки и скворцы. По-моему, они любили её, как мать родную. Безо всякой боязни они садились на неё и набирали для гнёзд шерсть, отслужившую своё. Кажется, и бурёнке было приятно это пощипывание и почёсыванье. Как бы то ни было, но на травке корова быстро поправлялась и хорошела. Теперь она радовала уже нас, надёжно поила целебным молоком, кормила творогом, сметаной и маслом. К слову сказать, масло и сметана были на столе не всегда — часть сдавали государству, часть, от большой нужды, продавали.

Корова не только давала нам молоко, она почти каждый год вынашивала в себе телёнка. Он появлялся в середине зимы. Как радовались мы с сестрой его появлению! Тёплого хлева у нас не было, и поэтому телёнок жил с нами в избе до весны. Бывало, глядя с печки на него, только что родившегося, ещё мокренького, мы мечтали о том, как он начнёт вставать на ножки. Телёнок подрастал, пытался подняться, но его нежные копытца разъезжались в разные стороны. «Вставай, не ленись, — поддерживали мы его, — скоро научишься ходить и бегать!» И действительно, за один вечер постигал

телёнок столь сложную науку. Несмотря на то, что телёнок был привязан верёвкой к ножке кровати, он умудрялся и прыгать, и припрыгивать, бегать и брыкаться. Когда же по весне его первый раз выпускали на улицу — что тут было! Почувяв желанный и настоящий дух свободы, телёнок ошалело носился по двору, резвился и играл. Вырвавшись на улицу, он бегал наперегонки с такими же телятами и был готов махнуть через плетень от обуявшей его радости. В такие моменты я думал: удастся ли мне хоть раз в жизни испытать такую радость чудных перемен?

Подросших телят Акулина Ивановна, как правило, меняла в соседнем совхозе на хлеб, которого нам всегда не хватало. Государство нам выплачивало пенсию за погибшего отца — сто пятьдесят рублей ежемесячно. Один пуд (шестнадцать килограммов) ржаной муки стоил тогда пятьдесят рублей, а на месяц нам еле-еле хватало три пуда. Но ведь нужно было ещё покупать и соль, и спички, и мыло, и керосин — электричества в нашей деревне тогда не было. Да много чего ещё. Какие-то деньги бабушка умудрялась выручить от продажи яиц, масла, зимой — свинины. Большую же часть сдавала государству в качестве налога. Даже шерсть с овец облагалась налогом. Никаких льгот нам, как сиротам, не было.

Не освобождали нас и от подписки на госзайм. Эта подписка всегда осуществлялась добровольно-принудительно. В нашей деревне её и начинали, как правило, с нас. В результате долгих переговоров Акулина Ивановна с болью в сердце отдавала двадцать пять рублей. Зато какой рекламный козырь появлялся у агентов, осуществляющих подомовую подписку! «Вы посмотрите, — говорили они, — старуха с двумя сиротами подписалась, а вы упираетесь». Так они, пристыживая односельчан, побуждали их отдать государству столь необходимые в хозяйстве деньги. Распространение госзайма шло успешно каждый послевоенный год. Правду сказать, раз-другой нам выпадал небольшой выигрыш. В такие моменты мы радовались: можно было купить хотя бы учебники и тетрадки к новому учебному году. Жаль, что выигрыши были мизерными и выпадали редко.

Нуждались мы не только в деньгах. Трудно даже сказать, в чём мы тогда не нуждались.

ДРОВА

Все избы в нашей деревне отапливались дровами. Жалко, что леса близко не было. Ближайший лесок был в трёх километрах от нас, но его почти подчистую вырубил за годы войны. Дрова приходилось доставлять из дальнего леса, принадлежавшего при царе помещику Маланчеву. Этот лес по сей день земляками зовётся маланческим. Когда там хозяйничал помещик, мужикам нельзя было даже сухую палку из леса вынести. Непослушных травили борзыми собаками, иногда до смерти. Мужикам приходилось вскладчину выкупать у Маланчева делянки.

Акулина Ивановна, когда ещё была жива мама, летом — на коляске-двуколке, зимой — на больших салазках вдвоём волочили к избе дровишки из этого леса. Он находился в пяти километрах от деревни.

После смерти матери в дальний лес мы ездили редко и только летом, когда бригадир каким-то чудом давал нам лошадь или, чаще, быка. В жару быки, искусанные слепнями и оводами, были неуправляемы. Не слушались даже опытных и сильных мужиков, что уж говорить о нас с бабушкой. Бывали случаи, когда бык шёл напролом, не разбирая дороги, и ложился отдыхать в тени, забравшись в самую чашу. При этом он рвал сбрую и ломал колёсную ось повозки. В таких случаях само возвращение домой

было весьма проблематичным. Мы возвращались поздно, совершенно опустошённые и в слезах.

Летом дров тратилось немного, хотя печь топили ежедневно. В ней пекли хлеб, готовили еду себе и скотине — свинье и курам. Коровы и овцы паслись в табуне — там они щипали травку и их водили на водопой. Вечером, когда они возвращались домой, их только поили во дворе.

Зимой дров требовалось в разы больше. Кроме большой печки, топилась ещё и маленькая, «буржуйка», для быстрого, хоть и краткого, обогрева избы. Мы с Акулиной Ивановной ходили рубить и пилить ивняк по берегам Кичуя. Ивняк сначала заготавливали, потом просили у бригадира лошадь или быка и везли домой эти сизые, мёрзлые дровишки. Растапливать такими дровами печь было сущим мученьем — они только пытели и трещали. На торцах поленьев закипала, обильно пенилась выжимаемая огнём вода. Шёл и пар, и дым, а огня почти не было. А тот, что появлялся, был каким-то ущербным: не красным, а грязно-фиолетовым. Тепла от таких дров было тоже крайне мало. Если нужно было испечь хлеб, то надо было сжечь прорву таких дров. Приходилось снова и снова ходить за ними. Когда Акулина Ивановна болела, за дровами отправлялись мы с сестрой, школу нам приходилось пропускать.

Однажды бригадир выдал нам совсем слабую, замученную на колхозной работе лошаде́нку. Ещё когда мы ехали на берег с пустыми саями, она от бессилия упала на зимней ледяной дороге и, похоже, надумала испускать дух. Что мы только с сестрой не делали: гладили животное, уговаривали, умоляли, скормили ей два ломтя хлеба, которые бабушка дала нам в дорогу, — толку не было. Мне пришлось распрячь лошадь и, поглаживая её, потянуть за узду. Каким-то чудом лошадка поднялась. Мы снова её запрягли и всё же поехали за дровами с надеждой привезти хоть малость. К счастью, путь проходил мимо колхозного стога. Сено уже отсюда брали. Мы тоже надёргали для лошади душистую охапку. Пока рубили дрова, наша лошадка жадно ела. С грузом мы ехали ещё медленнее, а на подъёмах, помогая животному, толкали сани. К дому добрались вечером. Бабушка уж заждалась нас.

КОЛХОЗНАЯ РАБОТА

И после смерти матери Акулина Ивановна каждое лето в страду ходила наравне со всеми жать хлеба. Серпом она владела мастерски, навык у неё в этом деле был огромный. Несмотря на большую занятость по дому и преклонный возраст, она ни в чём не уступала молодым. Это касалось не только жатвы, но и любой другой колхозной работы. Часто даже ей, одной из первых закончившей отмеренную полосу, приходилось помогать другим, менее расторопным.

Мы с сестрой все каникулы тоже работали в поле. Я на лошади возил сено, когда метали стога; снопы, когда вершили кладь; зерно на ток. Сестра вместе с подружками пропальывала сорняки в поле. Девочки обрабатывали мотыгами капустные и свекольные плантации, веяли ручной веялкой зерно на току, вязали липовые веники на корм колхозным ягнятам, выполняли и другую работу наравне со взрослыми женщинами.

За лето у нас накапливались кое-какие трудовни, на которые под осень выдавали зерно — по сто-двести граммов на один трудовень. Конечно, это не обеспечивало нас хлебом, но небольшое подспорье было. Но главное, мы приобщались к настоящему взрослому труду, к слаженной работе в коллективе. В постоянном труде мы росли быстрее и очень этому радовались. Акулина Ивановна с удовлетворением замечала

и наш трудовой азарт, и наше взросление. Бабушка всегда была очень внимательна ко всему, что с нами происходило.

Мои друзья курили вовсю, ловко выпуская кольца дыма через нос. Однажды летом дали папироску и мне, третьекласснику. Некоторое время я баловался, пытался затягиваться, хоть и было очень противно. Курили, конечно, украдкой, потихоньку от взрослых. Но что в деревне утаишь? Однажды Акулина Ивановна говорит мне: «Сынок! (Она часто звала меня так.) Я слышу от людей, что ты курить начал. Если, действительно, тебя затащило это дело и ты не в силах бросить, то кури открыто, не прячься. Кругом на крышах и на повети солома, зароните огонь и сгорит деревня. Вот какая беда может случиться!» Бабушка меня не ругала, а мне почему-то до слёз стало перед ней стыдно. После этого я решил больше никогда курево в рот не брать и верен себе до сих пор.

НАША УЧЁБА В ШКОЛЕ

Начальную школу мы с сестрой закончили в родной деревне. Школа была малокомплектной — один учитель на четыре класса. Занятия проходили в две смены. В первую смену в одной классной комнате занимались первый и третий классы, во вторую — второй и четвёртый. Учителю приходилось нелегко, нужно было маневрировать. Пока в одном классе дети делали самостоятельную работу, в другом учитель проводил опрос. Я и сестра учились с большим интересом. После начальной школы стали ходить в среднюю — в село Кузайкино, что в пяти километрах от нашей деревни.

Сестра, которая была старше меня на два года, зимой жила в интернате при школе. Я же все шесть школьных лет ходил туда и обратно при любой погоде. В лютые холода учителя говорили: «Если завтра будет мороз ниже сорока, в школу не приходите!» Утром слезешь с тёплой печки, выйдешь на крыльцо, наберёшь воздуха в нос и гадаешь, сколько же сегодня градусов. В деревне не было ни одного термометра. Пропускать занятия не хотелось. Встаёшь на лыжи и катишь до школы. На углу школьной избы был прилажен термометр, который показывал минус сорок три по Цельсию. Тогда поворачиваешь лыжи назад и едешь домой. По такому-то морозцу — дар здоровью.

После восьмого класса мне купили велосипед, весной и осенью я добирался до школы уже на нём.

Занятия в старших классах — восьмой-десятый — были платными. Мы с сестрой, как сироты, учились бесплатно. Учились мы очень хорошо, и на родительских собраниях нас хвалили. Акулина Ивановна была страшно горда. Иногда она с грустью вздыхала: «Как бы радовался этому ваш отец! Он очень любил своих учеников, особенно тех, кто учился увлечённо, с интересом».

В 1957 году сестра окончила среднюю школу. Вале присуждалась серебряная медаль, но районная комиссия снизила балл за сочинение, и медаль сестра не получила. Тем не менее, она в этом же году поступила на агрономический факультет Казанского сельскохозяйственного института.

Я окончил школу с золотой медалью. Потом два года проработал учителем русского языка в новой, только что открывшейся восьмилетней школе в селе Берёзовка.

В нашей стране установки на всеобщее среднее образование тогда ещё не было. Обязательной считалась семилетка, но и её не все одолевали. Я понимаю, насколько легче пришлось бы нашей бабушке, живи мы возле неё и помогая по хозяйству. Но никогда, ни одним словом она не посетовала на это, видя, с каким старанием мы учились.

Акулина Ивановна была малограмотной, однако как толково она разбиралась во многих делах и жизненных обстоятельствах. Порой нам с сестрой давала ценные, можно сказать, профессиональные советы по психологии и педагогике. Я думаю, что не всё даёт образование, оно только шлифует, «отбёсыивает» человека. Есть ещё и природный дар. Приведу один пример. Обычно домашние задания я выполнял быстро, но иногда по математике или по физике встречались такие задачи, над которыми я засиживался. Я работал за столом, возле «мигалки» — керосиновой лампы без стекла. Бабушка уже почти засыпала на печи. Время от времени она открывала глаза и видела меня всё в той же позе. «Сынок, отступи от задачки, ложись спать, отдохни — утром всё сделаешь наилучшим образом», — говорила она. Так и выходило — на свежую голову всё быстро решалось. Не зря в народе говорят: «Утро вечера мудренее».

РАБОТА НА ОГОРОДЕ

При создании колхоза всем его членам выделили сравнительно большой участок земли — сорок соток. Причём между дворами разделено было поровну, чтобы никто не обижался. Земля эта примыкала к дворовым постройкам и предназначалась для посадки картофеля и для посева конопли. Так уж повелось, что в нашей деревне ничего, кроме этого, не возделывали, если не считать ещё подсолнухов. С картошкой тогда всё было понятно — собирали её очень много. Малая часть шла себе на пропитание, большая — скотине. До войны в семьях народу было много, к работе все были привычны. Порой, не дожидаясь плуга, вскапывали свой надел лопатой, под лопату же высаживали в лунки картофель. Прополка и окучивание тоже проходили довольно быстро, с такой-то прорвой рук. Колорадского жука тогда не было и в помине. Копали картошку тоже дружно и не особо напрягаясь.

На посев конопли отводили четверть площади. Прадеды, деды, отцы, да и люди моего поколения брали от конопли всё самое ценное: кудель и масло. Из кудели пряли тонкие и прочные нити, из которых ткали потом на домашнем станке холст, шедший на одежду и прочие нужды. А каким вкусным и полезным получалось конопляное масло — густое, зеленоватое, ароматное! Ни в какое сравнение оно не идёт с так называемыми растительными маслами, от которых сегодня ломаются полки продовольственных магазинов. Мне ещё удалось попробовать масло конопли на вкус. Грустно, что из-за тех недочеловеков, которые стали из несозревшей конопли производить наркотики, растение впало в немилость.

После войны обрабатывать выделенные сотки становилось всё труднее. Население деревни сокращалось на глазах: старики умирали, молодёжь потянулась в город. И тем не менее наш многожильный деревенский люд продолжал творить чудеса: возделывали, засевали, обрабатывали каждую сотку и получали отменный урожай. «Это, деточки, только глаза боятся, а руки делают», — говорила нам Акулина Ивановна. Когда очень уж уставали, бабушка отправляла нас на речку искупаться, а сама принималась за обед. Передохнём — и снова за работу. И ничего, не хныкали.

ПОМОЩЬ СОЧУВСТВУЮЩИХ

«На миру и смерть красна», — любила говорить бабушка. Односельчане наши были чуткими к чужой беде, помогали и нам. Участник войны Иван Григорьевич Тимофеев, побывавший в плену, часто давал нам дрожки. Сделал он их собственноручно

и колхозу не отдавал. Делился он с нами и добротной длинной верёвкой, чтобы пере-вязывать дрова или воз сена.

Егор Михайлович Павлов, наш сосед, шестью годами старше меня, не раз вспахивал плугом наш огород под посадку картошки. До ухода в армию (Егор служил в ГДР) он подвозил горючее и смазочные материалы к тракторам и комбайнам из МТС. За ним была закреплена лошадь Карько. Иногда Егор предлагал Акулине Ивановне: «Давайте мы с вашим Колькой съездим на колхозную делянку вам за дровами». Бабушка с радостью меня отпускала. Работал Егор хорошо и ловко. Я старался брать с него пример. Егор также помогал привезти возок-другой сена с Кичуя, которое бабушка, кланяясь, серпом собирала по кустам. Он и на мельницу отвозил какой-нибудь мешочек зерна, полученный нами на трудодни, и возвращался с мукой. Вообще помогал нам часто и бескорыстно. А ведь их семья жила чуть ли не беднее нас. Отец Егора Михаил был колхозным трактористом. Однажды ему пришлось долго ремонтировать трактор. Лёжа на сырой земле, дядя Миша крепко простудился, заболел и умер перед самой войной. На руках у вдовы осталось пятеро детей, Егор был старшим. Никакой пенсии за потерю кормильца в колхозе тогда не предусматривалось. Маясь от постоянного безденежья, мать Егора Ефросинья говорила бабушке: «Вы хоть пенсию получаете, Акуля. А у меня нет ни копейки». И это было сущей правдой — так жили многие в деревне в военное и послевоенное время.

Помогал нам и бабушкин «жених». Когда-то давно, две зимы подряд, сватался к Акулине Ивановне Филипп Яковлевич. Он чудом уцелел в Первую мировую войну, побывав в австро-венгерском плену в Албании. Во время Гражданской войны воевал в 25-й Чапаевской дивизии, был ранен, получил инвалидность и в Великой Отечественной войне уже не участвовал.

Бывало, попросит его Акулина Ивановна заколоть барашка или зарезать свинью, придёт непременно. Потом бабушка приглашала его к самовару, подносила стаканчик самогона. За столом Филипп Яковлевич возьмёт да и напомним бабушке: «Замуж вот за меня не пошла, а барашка заколоть теперь просишь». Жёну он, конечно, нашёл — женился тоже накануне Первой мировой. Жили они многодетно и долго.

Помогал бабушке и Николай Никитович Симонов. Коля был года на четыре старше меня. Жил он с бабушкой Афанасией и дедом Романом. Очень они любили своего единственного внука. Отец Николая Никита Андронович погиб на фронте. Мать Аня с дочерьми Ольгой и Верой какое-то время жила в Вычегде, однако горюжанками они так и не стали. Николай рос крепким мальчишкой. Учиться бросил, кажется, ещё в шестом классе и стал работать помощником конюха — очень уж он любил лошадей. Часто выручал нас Коля лошадкой и раз-другой вспахивал плугом наш огород.

Школа нас поддерживала чисто символически. Мы с Валею за отличную учёбу получили один раз по сто рублей. Да, школа была тоже крайне бедной, но авторитет учителя был тогда очень высок.

Всегда сочувствовала нам, стараясь хоть чем-то помочь, Вера Фёдоровна Егорова. Она почему-то называла нашу бабушку няней. Возможно, Акулина Ивановна когда-то водилась с маленькой Верой. Вера Фёдоровна часто приглашала нас помыться в приготовленную, хорошо натопленную баню, за что мы ей были несказанно благодарны.

В первые годы после смерти мамы нам помогал колхоз. Раз или два правление нам оказывало материальную помощь — выдавало восемь килограммов муки в год. На отчётном собрании председатель Алексей Ефимович Кувшинов докладывал о содеянной благотворительности — как колхоза, так и его лично.

Мы были благодарны всем людям, хоть чем-то помогавшим в трудное для нас время. Жить без этого нам было бы ещё сложнее.

ОТРАДНОЕ В ЖИЗНИ СЕЛЬЧАН

Конечно, времени для веселья и развлечений в военное и послевоенное время было крайне мало. Однако люди грели свои угнетённые души любимыми песнями. Отправляясь на работу в луга и возвращаясь домой, женщины пели — на всю округу разносились их сильные голоса. Пели «Катюшу», «Каким ты был», «Шумел камыш», «Живёт моя отрада», «Бродяга», «Валенки» и другие песни.

Ежегодно отмечали все двенадцать православных праздников. Особенно торжественно праздновались Пасха, Троица, Рождество и Крещение. На них съезжались гости — родные из соседних деревень. Собирались в компании из трёх-четырёх дворов и по очереди накрывали столы. Спиртное готовили сами — ставили брагу и гнали самогон. Под хмельком пели. Аккомпанировал исполнителям «ложечный оркестр». Играла и гармонь-хромка. Тут же были пляски. Мы с сестрой, забравшись на полати, очень любили смотреть, как с топаньем и свистом веселилась наша родня. Мама и Акулина Ивановна были гостеприимными, хлебосольными хозяйками. Они замечательно пели и нередко задавали в этом тон.

Очень радовалась деревня приходу весны, бурному половодью, первой зелёной травке, первым цветочкам душистой черёмухи и грибочку-сморчку в лесной чаще, робкой трели соловья.

В Пасху женщины катали крашеные яйца. Для азартного состязания шили специальный мяч со сплюснутыми боками, похожий на колесо, наполняли его ветошью и хлопьями от кудели. На земле играющие раскладывали расписные яйца и отмеряли от них расстояние в двадцать пять-тридцать шагов. Перед игроком стояла задача — сбить с этого расстояния мячом яйца, которые победитель и забирал себе.

К июлю созревали ягоды. Каждое лето в это время женщины и дети устремлялись на Духову гору — так называлась возвышенность на правом берегу Кичуя. Росли там отменные душистые ягоды: земляника и луговая клубника. Ягод хватало на всех. Недели две-три, урывками, ранним утром до работы или поздним вечером люди собирали этот замечательный дар природы. Варенье тогда не варили — не было сахара. Ягоды сушили в русской печке на листьях, а порой и на жарком солнышке. С сушёными ягодами зимой пили ароматный чай. Они же шли в начинку для пирогов. Ходили и за малиной на вырубь в большой лес.

Временами собирали грибы. Попадались изумительные грузди с красивой бахромой. Акулина Ивановна принесла однажды на коромысле два больших десятилитровых ведра молоденьких груздей. Много было опят — летом в траве попадались мелкие луговые опята, а осенью на пеньках и гниющих деревьях мы срезали роскошные лесные опята.

Ходили в лес за лесными орехами. Тогда их было очень много. Из леса носили их мешками, сушили, запасали к зиме. Потом, как белки, разгрызали их, наслаждаясь ароматом и вкусом. Одаривала нас ими лещина — щедрое тонкое деревце.

Веселился послевоенный народ и на свадьбах. Хоть и редко, но они всё же справлялись. Невесту привозили в дом на ярко украшенных председателевых санках. Коня тоже украшали полотенцами, вытканными невестой, и шёлковыми лентами. Санки катились по деревенской улице, и под дугой звенел колокольчик. Очень уж любила его звучанье Акулина Ивановна, вспоминала свою далёкую свадьбу.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ, УВЛЕЧЕНИЯ, ЗАБАВЫ

Труд и помощь родителям составляли суть жизни подростков послевоенного времени. Но выкраивалось время и на игры. Уже на первых проталинах начиналась суматоха по сбиванию «клёка» «свистом» (битой). Игра очень азартная и не вполне безопасная. Однажды, когда мне выпало стоять на меже и бегать за сбитым «клёком», чтобы его поставить на место, случилось непредвиденное. Кто-то сумел размахнуться и пробить по «клёку» так, что тот попал мне прямо в глаз. Пошла кровь, и я, прикрыв глаз рукой, побежал домой. Увидев меня, бабушка охнула и на миг остолбенела. А потом принялась промывать мне глаз. Бровь была рассечена, из неё-то и текла кровь. Промыв глаз, бабушка наложила на него повязку, чтобы остановить кровотечение и защитить от мух. Слава Богу, всё обошлось, а ведь я мог остаться и без глаза.

С большим азартом мы играли в «городки» и лапту. Даже девчонки бегали с нами на равных. Гоняли мы и в «чижика», и в «казаков-разбойников», играли в «Чапаева» и в «Павку Корчагина». Зимой находили время для игр в домино и шашки, а так же в карты — в «дурака» и «козла». Позже научились играть в шахматы.

Читали и книги, правда, не так часто. Мне очень нравились русские народные сказки и сказки А. С. Пушкина. Акулина Ивановна их тоже любила и часто перед сном просила почитать их вслух.

Конечно, всё лето мы на прицеле держали Кичуй. Как только выпадала свободная минута, вприпрыжку бежали на берег. Там и купались, и рыбачили, и смородину собирали — её много было в зарослях ивняка. На реке мы рвали съедобную травку, порой спасавшую нас от голода: борщовник и дикушу, по-другому спорыш, которая пахла редиской. Я всегда радовался, когда бабушка звала меня на реку, на луга. Я научился жать и косить траву, рубить и пилить ивовые дрова. Во время отдыха я разматывал удочки и приступал к любимейшему занятию — рыбалке. До сих пор помню всё, что было на нашем Кичуе: могу показать место, где я впервые переплыл реку и был страшно горд и счастлив, словно одолел океан; где поймал первую в жизни уклейку; где вытащил первую большую сорожку и дал поддержать её дружку Шурке. Он так залюбовался ею, что она, не будь душой, выскользнула из рук и была такова. Как мне было обидно! Шурка клятвенно пообещал поймать мне такую же — ловит до сих пор. Отлично помню то место, где крупный голавль, сидящий на крючке, стащил меня с берега в воду и долго таскал за собой. Кончилось тем, что уплыли мои штаны, пришлось возвращаться с речки в набедренной повязке.

КАК БАБУШКА УГОВАРИВАЛА КУРИЦУ ПРИНЯТЬ НА ВОСПИТАНИЕ ЧУЖИХ ЦЫПЛЯТ

На третий день, после того, как цыплята вылупились из яйца, бабушка выпустила клушку с выводком из избы на двор. Погуляв по двору, курица надумала вывести семейку на задворки. Цыплята, как маленькие жёлтые шарики, перекатились через подворотню, а вот маме клуше пролезть через узкую щель не удалось. Тогда она, видимо, попыталась перелететь через калитку, да неудачно — шея её оказалась в зазоре между досками, и курица безжизненно повисла на штакетнике. Когда бабушка вышла из избы, цыплята растерянно цвикали возле калитки. Акулина Ивановна всплеснула руками и горестно воскликнула: «Опять сироты!» Она собрала в подол попискивающих птенцов и опять принесла их в дом.

В жаркую пору курицы неслись плохо, многие начинали квохтать и усаживаться в гнёзда, готовя себя на роль клуши. Бабушка выбрала из них схожую опереньем

с погибшей. Поднесла ей гостинец — пшено и ключевую воду. Курочка клевала из деревянной плошки зёрнышки и запивала водицей, не вставая с гнезда. Бабушка же, ласково приговаривая, одной рукой гладила несущку, а другой подсаживала ей под крылья цыплят. Курица сначала относилась к ним недоверчиво, но постепенно смирилась. Акулина Ивановна не отходила от семейки двое суток, и чудо произошло: новоявленная клуша повела за собой цыплят. Как истинная мать, она отыскивала в земле зёрна, личинки и червяков и трогательно призывала малюток. Бережно она водила их за собой всё лето. Делилась с ними пшеном, укрывала крылом, оберегала от хищников. Курица не раз вступала в схватку с кошками и собаками, подступавшими, как ей казалось, недозволенно близко. Однажды сразилась даже с коршун — долго кружились в воздухе пух и перья налётчика. Приёмная мать оказалась не хуже родной.

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТЕРИ

После кончины мамы мы прожили в деревне двенадцать лет. Много чего отрадного и не очень произошло за это время. Гнетуще трудными были первые годы. В то лето, когда похоронили маму, к нам приходила ночевать Валентина Яковлевна, наша соседка. Она очень любила нас. Сама жила бедно, воспитывала шестерых ребятишек. Муж, Гаврила Феоктистович, погиб под Ленинградом.

Избушка наша была старой и дырявой, соломенная крыша за годы войны совсем обветшала. Во время дождя мы расставляли на полу тазики и вёдра, куда ручейками и струйками лилась и капала коричневая, как заварка, вода.

А если ночью начиналась гроза, Акулина Ивановна будила нас с сестрой и усаживала возле себя. Вылезать из постели не хотелось, да мы и не понимали, зачем это было нужно. Позднее, когда мы повзрослели, бабушка нам рассказывала: «Боялась я, что гроза убьёт меня первой, а вас, случись пожар, и разбудить будет некому». В пятидесятые годы прошлого столетия в нашей местности грозы были очень сильными, и чуть ли не после каждой в сёлах наблюдались пожары. Летом 1954 года в нашей деревне от молнии сгорела изба Анания Ермилова. После этого люди стали ещё пуще бояться гроз. Взрослые, уходя в поле, наказывали ребятишкам, как загромыхает, бежать домой.

Однажды Акулина Ивановна попросила к её приходу достать картошки из погреба. Помнится, мы с сестрой забралась в подземелье и долго, прежде чем наполнить ведро, перебирали клубни. Когда поднялись наверх, увидели, что надвигается гроза. Поднялся шквалистый ветер. В воздухе кружились пучки соломы и летали переметины, сорванные с крыши. Одна из них высадила окно. Нам бы опять спуститься в погреб и там переждать, пока стихия утихомирится, но мы, помня бабушкин наказ, бросились через весь двор к дому. В избе был потоп — крыши не было, её сорвало ветром.

Когда природа поутихла, с поля стали возвращаться взрослые. Впереди всех бежала Акулина Ивановна. Увидев нас, невредимых, она не сдержалась, заплакала.

Зимой в избе было люто холодно. Ночи мы ютились на печке. Уроки делали там же — на куске фанеры раскладывали тетрадки и писали. К утру вода в вёдрах покрывалась толстым слоем льда. Чтобы набрать воды, нужно было несколько раз ударить по льду тяжёлым железным ковшом.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ

После окончания института сестра начала работать агрономом в колхозе «Искра» Заинского района ТАССР. Я же в 1961 году поступил на первый курс механико-математического факультета Казанского университета. Деревенский период нашей жизни завершился.

Через два года сестра Валя вышла замуж и вскоре вместе с мужем переехала в молодой строящийся город Нижнекамск. В 1964 году у них родилась дочь Ирина, и в этом же году семья получила квартиру. Для малышки нужна была нянька, и лучшей бы нянькой была Акулина Ивановна. Однако расставаться с родной деревней, в которой она безвыездно прожила шестьдесят девять лет, бабуле не хотелось. Но и помочь родной внучке тоже надо — после долгих колебаний и раздумий Акулина Ивановна переехала в город. Я приезжал к ним на каникулы.

После окончания университета, в 1966 году, меня ждало распределение. Мне, как отличнику учёбы, предлагали лучшие места. В том числе Новосибирский академгородок, где академиком М. А. Лаврентьевым были собраны блестящие умы во всех научных областях.

«Сибирь далеко, — думал я, — случись что с бабушкой, приехать будет сложно». И я остался в аспирантуре при КГУ.

В 1967 году я женился, а через год у нас родился первенец. Я мечтал о сыне. Мы с женой, Марией Сергеевной, назвали его в честь моего отца Михаилом.

Жена после окончания Казанского медицинского института год проработала врачом-стоматологом в районной больнице в селе Лаишево. Жилья ни в Казани, ни в Лаишево у нас не было. Мы упаковали нехитрые пожитки и отправились в Нижнекамск. Здесь я стал преподавать высшую математику в филиале Казанского химико-технологического института и одновременно продолжал заочное обучение в аспирантуре. Мария Сергеевна устроилась работать врачом в стоматологическую поликлинику.

Новый 1969 год наша семья встречала в только что полученной квартире. Акулина Ивановна радовалась правнукам и нашей мирной, счастливой жизни. В этом же году у Валентины родился сын Сергей. А в 1973 году Мария Сергеевна подарила мне второго сына. Назвали мы его Юрой, в честь первого космонавта Юрия Гагарина.

Бабушка очень любила малышей. С ними она занималась, играла и умудрялась на свою мизерную пенсию — двадцать рублей — баловать их подарками.

Акулина Ивановна жила на два дома. Без работы она себя не представляла: успевала и обед приготовить, и в квартире прибраться. Теперь таких, как моя бабушка, называют трудоголиками. В таком случае, Акулина Ивановна — трудоголик высшего класса. Всего за несколько дней до смерти она просила: «Сынок, поделай бы чего-нибудь!»

Умерла она покойно, вечером во сне. Я слышал её последний выдох. Случилось это в 1988 году на девяносто третьем году жизни. Нашу маму бабушка пережила на тридцать шесть лет, двадцать четыре из них она прожила в городе. Всю свою жизнь Акулина Ивановна была рядом с нами, заботилась и любила нас.

В трудные моменты жизни, на крутых поворотах судьбы, бабушка горестно восклицала: «Ну, хоть бы кто-нибудь взял бы да описал мою жизнь!» Мы прожили с Акулиной Ивановной почти полвека, и, кроме нас с Валентиной, лучше её жизнь никто не знал. Да, наша бабуля прожила трудную и очень скромную жизнь. Судьба много раз испытывала её на излом, но сломать не смогла. Горького в её жизни

было больше, чем сладкого. Но ей было чем гордиться, подводя итоги. Она была законопослушной и устояла при десяти правителях России: Николае Втором, Керенском, Ленине, Сталине, Маленкове, Хрущёве, Брежнев, Андропове, Черненко и Горбачёве. Стояла твёрдо на катушке-земле, что бы ни вытворяли руководители. Она схоронила отца, мать, свёкра, свекровь, потеряла брата и трёх сестёр. У неё погиб на Гражданской войне муж, а было ему всего двадцать четыре года. Одна растила сына и вырастила достойного человека. И он сложил голову на войне, ещё более жестокой. Было ему, как отцу, тоже двадцать четыре года. На её руках умерла сноха, не дожив до тридцати пяти лет. Она подняла, выкормила и выучила двух внуков. Внуки подарили ей четверых правнуков. Она и их вынянчила и растить помогала. Она дождалась

рождения одного из праправнуков — Артёма, и даже успела покачать его на слабеющих уже руках. В наследниках её теперь значатся два внука — я и Валентина, четыре правнука — Ирина, Михаил, Сергей и Юрий, и три праправнука — Артём, Антон и Маргарита. Среди потомков её есть два кандидата наук, а в скором времени будет и доктор наук. Во всех нас течёт кровь Акулины Ивановны. Без неё никого бы из нас не было сейчас на белом свете.

Лев Толстой в конце своей жизни говорил о том, что в будущем писатели не станут выдумывать своих героев, наделяя их вымышленными качествами. Героев своих произведений писатели будут брать из жизни — такими, какие они есть.

Герои моей повести — все реальные люди. События и явления, описанные в ней, тоже происходили в действительности. Именно так это было на земле.